

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

ПОИСК — ЕГО ПРИЗВАНИЕ

В молодом московском театре «Современник» уже немало имен, которые в гастрольных афишах пишут крупными буквами. — это «кинозвезды». Евгений Евстигнеев не принадлежит к ним, хотя не раз снимался в фильмах и вполне удачно.

Может быть, экран не его призвание? Скорее всего, актер не напал еще на «свою» роль и «своего» режиссера. И однако ж в талантливой плеяде артистов «Современника» он — звезда самой первой величины. «Звезда» в переносном, так сказать, поэтическом смысле слова, потому что три разных степенях своей известности и таланта молодые артисты «Современника» составляют слитный артистический ансамбль. В этом, как и во многом другом, актеры театра во главе со своим руководителем, главным режиссером Олегом Ефремовым — ученики Художественного театра.

Евгений Евстигнеев вышел из стен школы-студии МХАТ в 1956 году. Уже тогда он привлекал внимание зрелостью, законченностью своего артистического облика. Евстигнеев пришел на третий курс школы-студии тридцати лет, уже имея к тому времени за плечами одну театральную школу. Но ощущение зрелости, законченности зависело не только от этого.

«Современник» еще учился играть, Евстигнеев уже играл или, точнее, жил в «предлагаемых обстоятельствах» согласно заповедям школы, к которой принадлежал. Может быть, поэтому, а может быть, и благодаря внешним данным ему сразу стали поручать «взрослые» и даже «пожилые» роли, которые в молодежных спектаклях «Современника» не так уж часты. Уже это обстоятельство ставило Евстигнеева чуть-чуть особняком.

Особняком он существует в театре и еще в одном смысле. Евстигнеев, как никто из актеров «Современника», актер характерный.

«Современник» — театр своей лирической темы. Эта тема — судьбы поколения. Играя сверстников, многие актеры «Современника» выражают характерные черты времени и поколения — напряженность духовных поисков, готовность к героизму и нелюбовь к пышной фразе, мечты, порой сомнения, иногда браваду, почти всегда — честность — все то, что составило тему поколения и тему театра.

Евстигнеев чаще всего оказывался на периферии этого лирического потока — он играл роли разные, далеко не всегда первые, но всегда требующие от актера того, что называется перевоплощением, в то время как в «Современнике» иногда довольствуются переодеванием и больше любят играть от себя.

Евстигнеев перевоплощался. Он страшен в роли Глухаря — этого «тихого» бандита с холодными глазами и с мстительной потребностью издеваться над человеческим достоинством и честью. Евстигнеев забавно житейски беспомощен и прекрасно человечески чист в образе старого шофера, потерявшего на войне семью и избравшего бесполойный быт и высокую радость строителя в «Продолжении легенды» Анатолия Кузнецова. В своей последней роли в спектакле «Без креста» по повести Владимира Тендрякова он подметил старый и в то же время новый тип священника — лукавого деревенского философа, рассуждающего о тайнах Вселенной и судьбах человечества.

В роли короля в сказке Шварца ему предстояло решить сложнейшую задачу — показать не просто деспота, но олицетворение деспотизма. Можно было искать для этого краски яркие, плакатные — режиссер и актер делали много проб в этом направлении. Евстигнеев решил задачу самым простым, но актерски самым виртуозным способом: он сыграл «ничто», пустоту, заурядность, которая, будучи поставлена в условия абсолютной власти, вынуждена прибегнуть к безудержному деспотизму. Король действительно оказался гол...

Евстигнеев не просто перевоплощался. В роли совершенно проходной, незначительной он мог вдруг приоткрыть человеческую судьбу — такая не согретая ничьим теплом, ничьей лю-

бовью жизнь открывалась вдруг за двумя появлениями немолодого и ответственного (главного) инженера в «Пяти вечерах». А за любезной и просящей улыбкой хозяина отеля в «Пятой колонне» — вся нищета, вся неустойчивость и тревога привычно «приличного» существования, но уже разрушенного войной.

Итак, Евстигнеев — мастер; это признают даже те, кто не причисляет себя к поклонникам молодого актера. Его появление в любой роли обеспечивает ее удачу и интересный поворот. Итак, он характерный актер, актер перевоплощения. А как же с «темой» театра, с самовыражением? Или, может быть, Евстигнеев чужероден «Современнику»?

Действительно, Евстигнеев, воплощая лучший тип актера самого молодого в Москве театра, не всегда воплощает на сцене его главного героя. Но в манере актера отчетливой всего проявилась преемственность «Современника» от Художественного театра — от его психологического реализма (даже несмотря на предельно современное решение оформления спектаклей), от его гражданственности (несмотря на камерность иных сюжетов), от его жизненной полноты. А с другой стороны, в актерском почерке Евстигнеева отчетливой всего и собственное, сегодняшнее, «современниковское» — новое качество простоты, объединяющее зал в единое целое со сценой, новое качество интеллектуальности; наконец, взъяснительная, этическая нота, свойственная поискам этого театра. Не будучи по своему амплу «главным героем», Евстигнеев всегда суммирует в своем исполнении нечто очень главное в спектакле — будь то скромный героизм строителей коммунизма в «Продолжении легенды», будь то ничтожество зла и злобность ничтожества в голом короле и Глухаре. В своем артистическом облике Евстигнеев суммирует лучшие и не всегда еще достигнутые другими качества актера «Современника».



М. ТУРОВСКАЯ.
театральный критик.